

Беседы с о. Алексием (Розентулом)

Беседа 1

Я считаю себя русским, Россию очень люблю. Считаю, что надо России помогать, что Россию излишне критикуют. Россия слишком противоречивая, чтобы ее еще разбирать на какие-то части. Потому что ты ее любишь, надо ей помогать. Вот и все. Мы можем более, чем в России, жить византийским укладом жизни. Среди этих эвкалиптов. И здесь собираются для общения люди со всего мира.

О. Алексей (Розентул)

– Отец Алексей, сегодня мне бы хотелось поговорить с Вами для начала о том, какие современные определяющие ориентиры, тенденции в духовной жизни Вы считаете наиболее важными, о том, что происходит сейчас в Православной Церкви – русской и зарубежной.

– Определяющие ориентиры могут быть диаметрально противоположные. В сознании каждого. Я не знаю, куда это пойдет, во-первых. А во-вторых, Вы человек мира. Я понимаю: Вы постоянно переживаете эти вопросы и следите за современными событиями. А я очень редко слушаю новости и слежу за событиями. Никакой логики и доказательств в моих суждениях может и не быть.

– Батюшка, мне очень интересна свободная беседа с Вами, на уровне ваших ощущений. Вот именно, как Вы все воспринимаете. Честно говоря, я просто дорожу каждым вашим словом. Книга, как я ее вижу, чем она отличается от других книг, мне именно важна в ней стилистика изложения. Даже не фактура: что, когда, кто. А именно КАК человек мыслит, КАК рассуждает, КАК думает. Свободное дыхание человека – как отпечатки пальцев. Это

неповторимо. Особенности речи, музыка речи, если угодно. Вот что важно.

Достоевский говорил, что главный враг литературы – это журналистика. Журналистика – это жесткие факты, последовательность событий, логическая цепь изложения. Литература – это картина мира. Свободная от некоей заданности, от некоего целеполагания. Вот поэтому я бы хотел свободной беседы. Может быть, Вы бы не столько ориентировались на мои вопросы, сколько представили некое размышление о жизни. Ведь вопросы, которые я обозначил, очень широкие. Они предполагают свободный рассказ. Мне более интересны люди, духовно богатые, живущие духовной жизнью. Вот почему мне бы хотелось, исходя из того времени, которым Вы располагаете, и расспросить Вас о том, что происходит сейчас.

– Может быть, мы сядем в беседке, там будет немножко тише и спокойнее.

– Я осмелюсь еще раз просить Вас рассказать о том, как изменилась ваша жизнь за последние пять лет в монастыре. Причем и ваша, и монастырская жизнь. Начнем с такого ближнего круга вопросов, которые, может быть, наиболее близки Вам, и с чем Вы сталкиваетесь каждый день в процессе своего служения.

– Монастырь стабильно растет. В духовном плане культивируется та связь с Богом, которая дает нам мир, доброжелательность между братией и постепенное раскрытие человека, которое одновременно показывает ему его человеческую немощь и нужду в божественном общении, и те благодатные процессы, которые помогают ему подниматься и выходить... Все родословие Адама живет в состоянии смерти. То, что светские люди называют активным, живым – это пребывание в разных уровнях смерти. Все идет на истление.

Мы сотворены для богообщения и для вечной жизни. И вечность, сама жизнь определяется нашим приближением к Богу. Смерть определяется нашим уходом от Бога в царство или в состояние

смерти. И потому, когда понимается жизнь в таких духовных блоках, тогда снимаются все эти конфликтные проблемы личности. Желаний, страстей. Эгоцентризма, своеволия. Монастырь живет как семья. Вот почему важно, чтобы монастырь не был большим и организованным. Он должен быть большой семьей, в которой постоянно чувствуют духовный пульс, и друг другу помогают. Даже если они помогают тем, что друг друга терпят.

– Батюшка, у Вас большое хозяйство. Я вижу, здесь и парники построены, и сад. Много всяких механизмов, техники. Кухня. Это все требует сил. Это же все надо содержать.

– Да-да. Работаем, работаем. Нельзя, чтобы этот аспект монастырской жизни превышал духовный. На самом деле духовная работа гораздо более требовательная и интенсивная, чем физическая.

– Любой человек, который приходит в храм, видит мозаичные иконы святителя Григория Паламы и преподобного Исаака Сирина. А почему именно они при входе?

– Если Вы внимательно рассмотрите расположение икон в храме, Вы увидите, что предпочтение отдано всем тем святым отцам, которые развивали учение исихастов, внутреннего молчания. В том числе Григорий Палама и Исаак Сирин. Это исихасты. Дальше идут преподобные Макарий Египетский, Максим Исповедник, Симеон Новый Богослов, Нил Сорский, Сергей Радонежский. Это учителя внутреннего молитвенного делания.

Мозаика считается самым высоким уровнем искусства. Поэтому, кроме самой композиции и результата – построения формы через жесткий предмет, – он выстраивает свой внутренний балет, свои движения и взаимоотношения. Они гипнотизируют. Они своей плавностью, структурой своей воспитывают зрителей, вводят в особое состояние. Это очень тонкое искусство – мозаика.

– Да, батюшка, это огромная работа. Я внутри храма не был, только возле храма. Приехали – там службы не было. Ведь ваша

жизнь вся связана с живописью. Вы расписывали храмы, иконы писали.

– Это раскрытие внутренней жизни через икону. Это работало и выстроилось в православной культуре.

– Батюшка, а как у Вас это началось? Вы почувствовали в раннем возрасте тягу к живописи?

– У меня всегда были творческие порывы. Да, с детства. Я сделал свои жизненные заключения достаточно рано и устремился к духовной жизни. Я помню, как этот процесс у меня начался приблизительно в 12-летнем возрасте. Духовный пласт для меня всегда был ощутим и силен.

В Австралии никогда не было вообще никакой византийской традиции. Была только лубочная икона. Я воспитывался на них. Я помню, как в средней школе, в классе художеств, мне как-то попался журнал. На обложке журнала была Эфиопская икона Божией Матери. Она меня потрясла. И я понял: вот тут настоящая линия, вот тут настоящие отношения. И я хочу больше об этом знать. Я стал искать. Византия – это потрясающий феномен в мировой истории и в Православии. И Россия всегда была влюблена в Византию.

– Отец Алексей! Вот Вы говорили про жизнь и смерть. Как Вы думаете, душа человека приходит в мир – это таинство, или кто-то спрашивает человека, хочет ли он прийти в мир, до прихода, еще до рождения человека, до явления?

– Такой исчерпывающий ответ Вам никто не может дать. Я понимаю, что с момента зачатия появляется человеческая душа. И тогда то участие Божественное в создании или определении личности, которое начато между двумя людьми, должно быть по любви и ответственно. Я думаю, что дан нам дар творчества. Адаму было приказано и умножаться, и украшать, возвышать Божие мироздание. И по святым отцам, в Адаме все зачаточные процессы миробытия должны были быть восполнены и украшены. Это была его часть и участие в процессе, его богоподобие.

– Батюшка, как Вы считаете, творческое начало в человеке – это его основное предназначение?

– Да. Творчество – это самое высокое назначение, которое человек имеет.

– Человек может рисовать, писать музыку... Много чего делать. Даже суп варить.

– Возвышаться через красоту.

– И в этом, может быть, смысл жизни человека – приблизиться к Богу через творения души и рук, очевидно.

– Вы сами к этому пришли?

– Не знаю, батюшка. Я пытался еще в курсантские годы размышлять над тем, откуда появилось человеческое Я. Правда, там было марксистско-ленинское толкование. Я не был близок к вере, я жил как обычный советский офицер. Тайна творчества для меня тогда так и осталась некоей тайной. Конечно же, в ту пору я читал много разных книг, в том числе и далеких от марксизма-ленинизма. Того же Данте, например. И это все заставляло задуматься. Или слушая музыку Баха, я тоже думал: «Ну, где тут марксизм-ленинизм?».

Как-то я смотрел фильм «Калина красная». Там сидят два мужика и разговаривают: «Вот живет-живет человек, мается-мается... Может, лучше было бы и не родиться?» – спрашивает один другого. А другой ему отвечает: «Так ведь это же от нас не зависит». Промысел Божий посылает человека в мир, и человек идет порой большими скорбями. Батюшка, а хотелось бы расспросить Вас: с какими скорбями к Вам люди приходят?

– Те же болезни, те же проблемы с детьми, семейные проблемы, те же разочарования и поиски, борьба с собой.

– А чем люди в Австралии отличаются от людей, которые живут в Лондоне, например?

– Австралия – это больше пространство, которое позволяет человеку свободно и спокойно ощущать свою личность. Закон,

который работает, есть. И вся та коррупция, все эти негативные процессы есть, но не так нагло выпирают. И потому можно прожить достаточно законопослушно, спокойно, и быть уверенным в завтрашнем дне, как материалист. Это первое. Плюс большое пространство. Плюс отсутствие катаклизмов. Войн, агрессии со стороны соседей, конфликтов всяких. Сюда же можно прибавить англо-саксонскую модель общественного поведения. Приклеенные улыбки, вежливость. Может быть и нож в спину с вежливым извинением: вас уволили с работы, оштрафовали. Тут в человеческих отношениях в контрасте с Россией нет ничего личного, ничего прямого и никакой гибкости. Россиянам очень трудно жить в этих условиях. Особенно вначале.

– Я хотел Вас расспросить, отче, как тут живут россияне?

– Я здесь родился. Домашний быт и свои люди – одно. Там ты себя чувствуешь, там понимаешь, как молодой человек, полноту своих ощущений и переживаний. Выходишь за порог дома – и ты только наполовину человек. Ты должен быть сдержан. Ты должен быть аккуратен. Ты не можешь раскрыться. В австралийском обществе очень много чувств и отношений, которые просто не поняты, они просто не существуют. И потому ты их выражать или ожидать не можешь. И это бывает очень-очень сложно. Ты постоянно пытаешься шагать только одной ногой. Это сложно.

К нашей предыдущей теме прибавьте теперь, что полностью отсутствует культурный пласт. Здесь все, что связано с культурой, – это очень дорогое удовольствие в виде развлечения для высших классов общества. Официально Австралия – бесклассовая структура. Но это совсем не так. В России или в Европе культура – это определение личности. И культура, и общение культурное присутствует на всех уровнях общества естественным процессом. А здесь только быт, материализм. Потребительский быт заменяет культуру и заменяет религию.

И потому австралийцы довольствуются красивыми машинами, американскими фильмами. Это их подражание американской культуре. Австралийцы не читают, не слушают музыку. Это само по себе очень утомительно. Потому что в России можно поговорить с каким-то любопытным десятилетним ребенком с гораздо большим интересом, чем с пятидесятилетним человеком тут, коммерсантом каким-то, у которого выстроилась шкала потребностей и интересов. Они настолько узкие, настолько примитивные, что ты вообще не чувствуешь человека. Благодаря этому жизнь и благополучная, и обнищавшая, пустая.

Несмотря на все благополучие, в Австралии чуть ли не на самом высоком уровне депрессии и самоубийства. Особенно, в юношеском возрасте. Спрашивается, почему? И когда слушаешь по радио или смотришь по телевидению эти программы, которые разбирают проблемы самоубийства, где дают интервью родители или знакомые людей, которые погибли, поражаешься узости и тупости этих самых программ. «Если бы я был в то время, этого бы не случилось, мы его часто видели. И он был совсем счастливый... Он собирался идти на футбол». Такого рода разговоры. Абсолютное не восприятие каких-то более глубинных нужд. Австралийцы сами по себе люди неплохие. Они добродушные, свободные, раскрытые. Они по всему миру считаются самыми расслабленными путешественниками...

– *Кстати, о путешественниках... Говорят, здесь бывал Федор Конюхов.*

– Несколько раз.

– *Вы встречались?*

– Да-да. Он меня объявил своим духовником.

– *Он рукоположен, иерей. Уже, по-моему, года два или три.*

– Это я слыхал. Но своему «духовнику» он ничего не сообщил. Человек поиска. В самый первый раз он приехал Великим Постом. С психиатром, который вместе с ним путешествовал и изучал, что

происходит с человеком, когда он находится в одиночестве в экстремальных условиях. Длительное время.

– Да, батюшка, ведь сюда постоянно кто-то приезжает из России?

– Это само по себе очень интересно. Мы можем более, чем в России, жить византийским укладом жизни. Среди этих эвкалиптов. И здесь собираются для общения люди со всего мира.

– Я обратил внимание – и архитектура храма, и устройство монастыря, оно какого-то особенного, грузинского стиля?

– Это мы все продумывали, ища созвучие с австралийской природой. А купол грузинский, Вы правы.

– Это я не совсем сам, мне сказали. Еще на калитке есть надпись, я спрашивал.

– Святой Шио Мгвимский.

– Кто это? Я был удивлен: далекая Австралия – и вдруг Грузия. С которой у России на данный момент очень сложные отношения. Война была в 2008-м году. Вы знаете. Очень жаль.

– Очень, очень.

– Батюшка, а как Вы думаете, чем сердце успокоится? Знаете, как порой говорят, сложные отношения, но с годами как-то Господь будет управлять. Смирять. У кого-то гордыня будет смиряться. Одни будут умирать, новые будут приходить.

– Разумному человеку, который пытается даже в скромной мере жить духовной жизнью, раскрываются внутренние отношения, духовные перспективы. Он начинает себя видеть, и понимать, и контролировать. Годы его делают более благоразумным и рассудительным. Он не только приходит к живым духовным принципам, у него начинается разговор с вечностью. И он начинает в себе чувствовать призыв к вечности. Свое вечное начало. И вечность начинает забирать его временные восприятия. Начинается процесс смежный, очень интересный процесс. Это человека успокаивает и начинает освобождать его от земного груза.

– *Батюшка, а монах иначе воспринимает вечность, смерть, уход?*

– Он его более интенсивно воспринимает.

– *Без страха? Или есть некий трепет внутренний?*

– Я думаю, что это для каждого человека индивидуально.

– *А болезни как монах воспринимает?*

– Без болезни монах не может жить.

– *Я посмотрел, в Кейтлине, там бабушки в основном. Монахини. Тяжело им, как я смотрю, управляться с хозяйством. Но они держатся. Я думаю: что такое болезнь? Хотел расспросить, батюшка. По сути, в определенном возрасте это касается каждого. Как их переживать? Что это такое? Это посылается для вразумления человека?*

– Принимать. Болезнь не является исключительно физическим процессом. Это и психологическое, и душевное состояние. Есть даже ряд болезней, которые называются психосоматическими. Конфликт между душой и телом или разумом настолько интенсивен, что это расстройство образа жизни, когда душа протестует и тело болеет. И, только вернувшись к своей душе, человек может выздороветь. Как врачи говорят, можно умереть от простой простуды, если человек не хочет жить, но можно вылечить и самые сложные раковые процессы.

Так что физическая болезнь – это непростая вещь, она связана с духовным состоянием. И она может служить импульсом для дальнейшего развития. В болезненном состоянии человек более расслаблен, более оторван от повседневной жизни, и у него есть время для внутренней работы, переосмысления себя, вещей, он слаб, он немощен, он немного отходит от мира. Он чувствует, что может уйти из этого мира.

– *Батюшка, Вы рассказали о некоей матушке. Которая умирала в Кейтлине, в монастыре, и Вы видели некое такое свечение. Это внешнее отображение святости?*

– Да.

– А приходилось Вам еще видеть нечто подобное?

– Да. Видел.

– Батюшка, а как поступать человеку в трудной ситуации? Ведь человек немощен, и сам не может разобраться, как ему действовать в тех или иных обстоятельствах. Не знает – пойти ему туда или сюда? Есть особые правила, как идти?

– Правил нет. Но если человек приходит к духовнику за помощью, за советом, а духовник сознательно относится к духовной жизни, то надо сознательно работать над собой. Через все обстоятельства жизни человек должен искать связь с Богом, ее сознательно удерживать, укреплять. Он должен стремиться к Богу и осознавать и смиряться перед своими немощами.

К такому духовнику приходит страждущий человек, который нуждается в совете и поддержке, и этот человек раскрывается духовнику. Раскрывает свою душу, говорит о своей трагедии, проблеме. Это может быть очень личный, интимный процесс – процесс раскрытия. Если духовник сидит со своей книгой правил, а страждущий сидит в слезах и надеждах, а духовник относится к нему формально, то он и получит формальный ответ, ничего не получится. Если человек раскрывается духовнику, а духовник раскрыт Богу, духовник обязан сострадательно выслушать. Об этом много говорит отец Иоанн Кронштадтский. Духовник должен войти в сердце того человека, и он должен не только его понять, он должен себя там увидеть. Должна произойти связь, глубокая духовная связь. И в этой связи любви и сострадания выстраивается трехмерная связь – Бог, духовник и человек. И все становятся одним. Я не хочу говорить современным языком – энергия – о том, что происходит. Нет. Духовный пласт реализовывается в этом общении, в этом совершенно естественном ощущении.

Возьмите беседу Серафима Саровского с Мотовиловым – Мотовилов не понимал, он не думал, светится ли преподобный Серафим или нет. Мотовилов видит, что преподобный Серафим

сияет, а тот говорит Мотовилову: посмотри, что и ты сияешь. Так, во-первых, в состоянии этого сострадательного духовного общения ощущается поддержка, ощущается присутствие Бога. И в этом ощущении выстраивается ответ. Сначала сострадание, сначала любовь. Это очень важно. И вот в этом состоянии Господь дает духовнику чуткость. Иначе это психолог, это формальное отношение.

– Я вот, батюшка, разговаривал здесь со многими людьми. Сложно люди восприняли объединение Церквей. Вот, например, в Кейтлине был батюшка, иеромонах Евфимий. Говорят, хороший был батюшка, и он ушел оттуда. Матушка Евдокия говорила. Такой был смиренный.

– Она была его сторонницей. Отец Евфимий очень простой человек. Такого старорусского сельского быта. Он простой. Он поехал в Джорданвилль, окончил семинарский курс, и как тему своей работы он выбрал что-то смутное, связанное с Апокалипсисом. Этот его несложный труд, по его личной воле, по его выбору выстроился как энциклопедия обо всем духовном. И кто спасется, и кто не спасется, и как, и почему. Эти три вопроса. Что сейчас происходит? И кто виноват? И что делать? Он писал эту книгу 15 лет и считал, что написал гениальную книгу. Он считал, что эта книга спасет всю Россию. Она совершенно неграмотна, даже на уровне разума писателя. Чего он там только не разбирает. И всякий раз, как события менялись, и он узнавал это из Интернета, он всю книгу переписывает, там что-то добавляет... Он запутался. Это было ему не по силам.

Постепенно появилась струнка гордости, и он пришел к заключению, что спасение России зависит от него. И он стал громко проповедовать чистоту Православия. Это некоторым бабушкам понравилось. Нормальный человек в этом просто слышал неуравновешенный бред. Фантазии. Ему говорили: перестань, успокойся, не хочешь поминать патриарха, не поминай. Не лезь на рожон, не раздражай всех. А он продолжал и продолжал. Кончилось конфликтом. Сейчас он эту книгу переводит на английский язык. Это

проблема духовной жизни. Когда человек, полагаясь на свои самолюбивые страсти, отказывается от контроля и дисциплины. Он пошел своим путем и расстроил женский монастырь.

– Да, он там был служащим батюшкой. Я разговаривал с отцом Никитой (Чемодаковым), он там тоже литургию служил, и меня удивило, как он ласково, внимательно общается с прихожанами. У него такой отцовский подход ко всем. И к монахиням тоже. Матушка как раз отсутствовала, монахиня Мария, поэтому я его расспросил и о монастыре, и о службе. Съездили еще в Кабрамату. Я там был в русском доме. В богадельне. Посмотрел, как живут. Там есть такая семья Мятленко. Он был диаконом, Петр Иванович, и его жена Раиса Ильинична.

Мне показалось, что в Австралии очень хорошо следят за пожилыми людьми. За немощными, за кем некому ухаживать. Очень обстоятельно за ними ухаживают. Там и священник у них есть, и храм. Это в целом в Австралии так принято?

– Да, в каждом городе есть попытка устроить такой дом престарелых и обслуживать своих стариков.

– Да и пенсии довольно приличные...

– Есть целая государственная система социального обеспечения пенсионеров. Есть целые государственные поселки для пенсионеров. Там у них есть все. Несколько раз в неделю их вывозят для развлечений или чтобы они могли сделать необходимые покупки. И вечера отдыха для них устраивают. Есть садики, где можно гулять и общаться, есть врачи.

– А какова роль Церкви здесь, в Австралии, в преодолении социальных язв общества – проблем наркомании, алкоголизма?

– Сложный вопрос. Да, это дело Церкви. Это сложная обязанность. Но если такая забота превышает духовные обязанности и люди начинают думать, что священник должен излечить наркомана, решить все проблемы, связанные с разводом, воспитывать сложных подростков, – тогда Церковь становится частью социальной

структуры. То, что и произошло с католической и англиканской Церковью, которые более благотворительные организации, нежели духовный организм. Церковь должна следить за этим балансом.

Мы только-только приближаемся к той стадии, когда в нашем обществе достаточно адвокатов, врачей, архитекторов, людей со стажем, которые могут участвовать в создании православного приюта, православной школы, православной больницы, православной программы для наркоманов. Это проблема, о которой я говорил вначале, когда ты живешь как русский в Австралии: тебя не понимают, ты не вписываешься в окружающую жизнь. Очень часто в нервных расстройствах и в наркотиках молодые люди что-то ищут, и они находят это в этих стимулах. И если есть православная программа, можно глубже и более осмысленно понять страждущего человека.

В Сербии очень хорошие церковные программы по таким вопросам. Я связан с монастырем, который содержит два приюта для наркоманов, и с ними работает, и возвращает их в жизнь. Это целая большая структура. Это нужно, это важно. Но на первом месте духовное сознание.

– Я помню замечательного русского писателя Федора Абрамова. Там у него есть такой эпизод. Мужики запили в деревне, и бабы возопили: «Господи! Пошли ты хоть какую войну на них, чтобы хоть вразумились немного! Так сильно пьют, прямо беда какая-то!» В России это до сих пор страшная беда.

Я поговорил здесь с трудником Павлом, он рассказал мне о своей непростой судьбе, как он падал на дно жизни; он благодарил Бога, что оказался здесь, под вашим попечением. А как ему удастся здесь восстанавливать свои силы, возвращаться в жизнь?

– Он должен почувствовать себя человеком, к которому относятся с уважением. Он должен ощутить свое достоинство. И после этого он должен уже пожелать жить, как нормальный человек. Вот и все.

– Я, батюшка, еще хотел бы поговорить о детях. К Вам и дети сюда приходят. Они играют, носятся на велосипедах. Здесь, в

Австралии, есть русская школа для русских детей? Изучается Закон Божий?

– Да-да. В Австралии на приходах есть такие школы в зависимости от активности прихожан и количества детей.

– *Я вижу, вокруг Церкви спасаются многие. Держатся, как за спасательный круг. И все-таки при таком богатстве жизни материальном я чувствую в людях некую тревогу... За исключением, наверное, тех, кто здесь родился, она им неродная страна.*

– Конечно. Она и мне неродная.

– *Батюшка, а что делать человеку, когда он оказался в неродной стране? Так и держаться Русской Православной Церкви?*

– Я благодарю Бога, что живу в Австралии, но понимаю, что это не моя страна. Я к ней не привязан, получается жизнь миссионерская, с одной стороны. А с другой стороны, никто мне не препятствует в совершенно стабильных условиях осуществлять все свои более возвышенные задачи, и с этим стажем ехать в Россию. И общаться. И помогать там. Я не смог бы в России жить так, как я здесь живу. Не было бы у меня, наверное, таких возможностей. И, может быть, ощущение, что я русский, и ощущение оторванности от своих корней усугубило бы мои творческие процессы, и впечатления, и восприятия, и подвело меня к духовной жизни. А если бы я родился в России, может быть, этого бы не случилось. В этом во всем есть Божественный промысел. У меня были мысли о возвращении в Россию. Но я понял, что не имею на это морального права.

– *Здесь ведь у Вас много духовных чад, которые держатся за Вас. Это все равно, как отцу из семьи взять и уехать.*

– Начато дело, и я являюсь его основателем, и оно уже куда-то направляется, и приносит какие-то плоды. И я не могу его оставить. Я не могу уже от этого отказаться.

– *Батюшка, здесь игумен уже отец Сергей. А Вы духовник монастыря?*

– Да.

– *И создатель, безусловно. А я хотел спросить Вас: те духовные чада, которые едут к Вам из разных городов и из разных стран, – Вы видите, что они реально возрастают в духе, в вере?*

– Да, вижу. Вот отец Сергей – это реальный пример. Следующее поколение уже вступает на ответственную должность.

– *Но я обратил внимание, батюшка, что среди монахов не все говорят по-русски. Это нормально для Австралии?*

– Отец Макарий – чистокровный австралиец. Отец Сергей – смешанного брака. Отец русский, мать – австралийка немецкого происхождения, и она вернула мужа в Церковь, в Православие. И воспитала детей так, что они крепки в своей вере. Она австралийка, сама приняла Православие.

– *Интересно все это. Пути Господни неисповедимы. А можно сказать, что Австралия – это страна мультикультурная?*

– Она разработала такую политическую программу. На самом деле – это ширма. Она остается страной глубоко англо-саксонского порядка. И здесь люди, имеющие корни в Англии, остаются у власти.

Здесь преимущественно агностики. Наш премьер-министр, женщина – она старая австралийская коммунистка. Она все делает, чтобы подорвать авторитет Церкви, и, вообще, разрушить классический строй и вводить социализм и уравниловку.

– *Западная Церковь и Восточная – Русская Православная Церковь – мне кажется, это великая трагедия для христианства, что Церкви пошли разными путями. Всякое разделение внутри Церкви – это всегда трагично. Это ослабляет.*

– Наверное, самое крупное событие, самое радикальное изменение – это объединение Церквей. Где-то я сказал, что процесс внешнего объединения – процесс чаще всего политизированный. Там свои задачи. Большею частью в своих результатах поверхностные. И в лучшем случае – рабочие. Это и произошло. И гораздо сложнее, серьезнее и несравнимо важнее стоит вопрос, который должен быть

задан, – духовное объединение двух организаций. Произошло ли оно, внутреннее объединение? И какие оно принесло плоды?

В документе о договоренности Зарубежная Церковь теряет свою духовную автономию в связи с тем, что все значимые решения и все хиротонии должны быть одобрены Московской Патриархией. Значит, Зарубежная Церковь теряет право на свое внутреннее управление на самом существенном, важном уровне. Зарубежная Церковь отказывается от своего исторического пути. Там стоит пункт, что поднимать и разбирать вопросы белой эмиграции и острые вопросы, касающиеся “белой и красной” Церкви, Русская Зарубежная Церковь не будет.

И тут мы бьем в душевный эпицентр вопроса объединения. Очень важный, я считаю. Потому, что в российской Церкви общепризнано, что с момента революции произошло не отделение Церкви от государства, а произошло продуманное, организованное уничтожение Церкви. До определенного момента, когда Сталин понял, что Церковь нужна. И что Церковь нужно не гнать, а что Церковью можно воспользоваться – и Церковь была использована для поднятия патриотических сил, чтобы справиться с фашистским насилием. К тому времени от Церкви почти ничего не осталось. С 1917 до 1940 года была целая система систематических репрессий и акций, уничтожающих Церковь шаг за шагом. Или в виде насилия извне, или компромиссов и насилия изнутри. С момента Второй Мировой войны Иосиф Виссарионович возвращает Церкви какие-то права, и этот процесс выливается в создание новой церковной структуры – Московского Патриархата, в новую российскую Церковь, которая лишена свободы совести, которая подвластна и под постоянным контролем и проверкой государства.

Зарубежная Церковь в состоянии трагедии самой Церкви понимала, что она шла путем покаяния. И свидетельства за свой народ. И пока она этим жила, она была очень скромной и достаточно духоносной. В ней были все проблемы эмигрантской жизни. Но она

выживала. И она понимала свою задачу и шла этим путем 80 лет. Молча, совершенно немощно и беспомощно, беззащитно свидетельствуя своим существованием о той трагедии, о том компромиссе, который произошел и продолжал происходить в России. Можно сказать, что другой логики для ее существования не было. Она существовала наперекор критике, любым обстоятельствам, разбросанности, неорганизованности и прочему. И все понимали, совестливые люди понимали, что Церковь должна быть одна, должно быть объединение. С этим так называемым падением Советского Союза открылось какое-то окно и что-то должно произойти, должен быть какой-то контакт.

Мало говорят о том, что церковная жизнь Зарубежной Церкви должна иметь право на административное или структурное расчленение на три части. Те, которые хотят быть исключительно русскими, и жить чисто русскими понятиями, сохранять язык и все прочее. Это один тип людей. Второй тип, вторая категория – те, которые понимают, что у них русские корни, они хотят сохранять русские традиции и язык. Они хотят контакта и общения с родиной, но они понимают, что в Россию они не вернуться. И третьи – после 2-3-х поколений понимают, что на первом месте стоит вера православная, а на втором месте этнос. А не наоборот. Православный русский, а не русский православный. И они уже хотят видеть и жить в Православной Церкви, которая живет нормами, языком, общением той страны, в которой они находятся. Все три группы имеют право на свое существование и должны общаться между собой. А процесс объединения у многих убрал эту модель и выстроил такие понятия: с одной стороны, - нас сейчас задавят. Это одна крайность. Две такие крайние позиции. Или другая крайность – все будет хорошо, не о чем волноваться, за спиной Россия. Москва будет все решать, у нас уже праздник. Нам все дадут, у нас все будет... И они становятся совершенно беспечными. То и другое – это неправильные модели, с моей точки зрения. К сожалению, у многих вопрос объединения

«снимает с них ответственность» за своих детей, за будущее, за язык. Это самое крупное, что произошло за последние 10 лет.

– Я бы хотел спросить Вас в связи с тем, что вы сказали. Есть ли в мире сейчас незыблемые православные авторитеты? Кто может эти процессы как-то регулировать? На чье мнение можно опираться?

– Процесс русского старчества – это тоже проблематичный процесс со своими эксцессами. «Вот старцы сказали... старцы, старцы, старцы...» Я был в Александро-Свирском монастыре. Прихожу вечером, на скамеечке сидят бабушки. «Слыхали, старец сказал... завтра будет землетрясение...». Утром прихожу на литургию, одна другую спрашивает: «Где же землетрясение?» – «Старец отмолил!»

Все эти очень гибкие процессы в старчестве до сих пор есть. И Оптинские старцы, и все другие дореволюционные старцы – да, если была какая-то опасность для жизни или для духовного состояния, то старец или наставник мог сказать: «Этого не делай!» Но большей частью они помогали человеку в чем-то разобраться, к чему-то прийти, его поддерживали.

А современное старчество – это «волшебные ответы» на самые бытовые вопросы, которые просто снимают ответственность с просящего.

– Батюшка, а вот в Австралии, на ваш взгляд, тянутся ли люди к Церкви, усиливается ли движение к спасению у людей?

– Количество паломников здесь все возрастает, во-первых. Во-вторых, те, которые являются нашими друзьями, регулярными паломниками, они, бесспорно, сами лично пытаются идти путем осознанного духовного поиска. В свою меру. Каждый, как может. Многие приезжают, ища какое-то успокоение, потому что они чувствуют, насколько мир становится суетным, пустым, материалистичным. И жизнь в Церкви становится поверхностной. И вот с нажимом материализма, с ускорением времени и всего прочего

священники отходят от людей. И, к сожалению, этот термин, советский термин «служитель культа», становится справедливым, – они становятся служителями культа. И паства не удовлетворена.

Священники отказываются от того уровня общения, которое решает более глубокие вопросы в продолжении более длительного срока времени. Там, где надо работать, где надо терпеть. Они согласны крестить, отпевать, венчать, выслушивать исповедь, служить молебны. Сделал – дали копейку, пошли дальше. Люди это чувствуют. И они в поиске. Большею частью здесь они находят какой-то покой, какой-то подъем, и служба приносит им какое-то успокоение.

Мы стараемся людей не отрывать от приходов. Потому что тогда начинаются проблемы со священниками, откровенно говоря. А просто пытаемся им помочь. Вернуть какую-то живую струю или понять иначе те процессы, которые происходят на приходах. Быть более снисходительными, терпеливыми. Они понимают, должны понимать, что, как личность, они должны выстраивать свое спасение в приходе, а не приход их спасает. Вот если они могут сдвинуть этот ориентир, они продолжают поддерживать с нами контакт, и, таким образом, наши отношения растут.

– А православное поле, оно как-то расширяется в Австралии? Я не имею в виду даже количество храмов и количество священников. Я вот имею в виду: а духовное идет углубление?

– В общем, нет. Но я думаю, что мы недалеко от какого-то мирового кризиса, когда беспечная, сладенькая, спокойная жизнь в Австралии будет нарушена, и в людях проснется нечто другое, и начнется поиск.

– С вашего позволения просто вопрос к Вам. За вашими плечами уже немалая жизнь, и много чего можно сравнить и оценить. Скажите, вот то, что хотелось, получилось осуществить в жизни в целом? Вот Вы шли и пришли. Вот Вы стали настоятелем...

– Я чувствую, что Господь продолжает вести, я ничего не понимаю, жалею, что я ушел в монастырь в 19 лет, надо было в 10. Да.

– *А вот, батюшка, Вы сказали, что бываете в России. У Вас есть те люди, с которыми Вам хорошо разговаривать?*

– Я считаю себя русским, Россию очень люблю. Считаю, что надо России помогать, что Россию излишне критикуют. Россия слишком противоречивая, чтобы ее еще разбирать на какие-то части. Потому что ты ее любишь, надо ей помогать. Вот и все.

– *Батюшка, есть ощущение, что быстро летит время? Ускоряется?*

– Очень. Сжимается. А какое ваше ощущение? Куда мир идет?

– *Мне, батюшка, тревожно. Я, честно говоря, почувствовал, что годы подошли... У Чехова есть такой рассказ. Я не помню его названия. Маленький мальчик спрашивает дядю: «Дядя, а тридцать лет – это много?» Тот ему говорит: «Нет, не много». И я вдруг понял, что большая часть жизни осталась позади, за кормой. И вот сейчас я начинаю считать время. Это меня приводит в состояние тревоги. Я вдруг понял, что мало что в жизни сделал такого, что хотелось бы сделать. И даже когда что-то делаю, не совсем ясно понимаю, а то ли я делаю. Угодно ли это будет Богу. И насколько правильно я реализую свое, отпущенное мне на Земле время. Так я отвечу на ваш вопрос. Но то, что я здесь – это радость, которая останется со мной, где бы я дальше не был. Это праздник жизни, который будет и дальше. И мне бы хотелось попросить помолиться обо мне, грешном.*

Батюшка, вот еще вопрос. Ведь очень сложные процессы идут в мире, в христианском мире, совершенно разные направления, течения, конфессии. Какой-то прогноз на будущее могли бы сделать? Как будет развиваться мир христианский в будущем? Либо это будет дальнейшее разделение, либо сближение, либо противоборство? Вот об этом, если можно, поговорим...

– Как и многие русские считают, духовные авторитеты считают, что мы живем в кризисное время, уже на открытых страницах Апокалипсиса, и должен быть мировой кризис. После которого будет не лучше, а хуже, и надо готовиться через духовную жизнь к подвигу свидетельства веры. И выживания в вере. Потому что мир будет в отчаянном состоянии. И спасения в логике или в науке, или в чем-либо другом не будет. Я с этим согласен. Жалко детей...

– *Видимо, это не столь далекое время...*

– Нет-нет...

– *А что же делать, батюшка, простому человеку, который еще не укрепился в вере, в духе? Ведь времени немного.*

– Укрепляться. Евангелие, Евангелие, Евангелие. Суть Православия – Евангелие и Святое Причастие. Большого мы не можем. Все остальное сделает Господь.

– *Батюшка, а вот в вашем монастыре состав монахов очень небольшой. Регулируется ли Вами как-то количество монахов?*

– Мы никому не отказываем. Наш духовный наставник, когда под его руководством этот монастырь создавался, сказал, что монастырь у вас не должен быть большим. Максимум 10-12 человек. Потому что это семья. И надо держать руку на духовном пульсе. Живите, как живой духовный организм. Не надо искать себе большой, мощной модели. Мы никому не отказываем. Но в процессе нашего воспитательного роста мы предоставляем человеку большую личную свободу, которая ведет его к более честному самопознанию. То есть, из всех людей, которые приходят и становятся послушниками, мы считаем, может быть, только один из 8 останется в монашестве.

Важно, чтобы те остальные, которые пройдут этот искус, чтобы они глубже себя поняли, правильно себя поняли. Осмыслили свою жизнь и более укрепленными ушли отсюда, как наши друзья. Они ни в чем не согрешат и ничего не провалят, если они не решатся стать монахами. Они должны стать лучшими людьми и быть благодарными за то время, что они провели здесь. Монастырь служит этому. Это то

место, которое набирает армию. Потому что монашество в наши дни, дни свободы и особенных возможностей (но мнимой свободы), как армия. Столько возможностей, столько выборов, столько соблазнов... Столько материализма... Но когда все это лопнет, я думаю, что... Есть группа молодых людей, которая созревала в течение пяти лет, и я думаю, что она готова сюда прийти и себя испытать. Это, как бы следующая выпечка. Мы посмотрим, что они выдержат.

– Батюшка, а вот сейчас владыка Илларион в основном в Америке. То есть, по сути, Австралия им навещается только периодически. Иерархичность церковной власти здесь сейчас как-либо просматривается? Есть некая управляемость? Как Вы это в дальнейшем видите?

– Должен быть архиерей на месте. Это нормальная церковная жизнь. Должен быть его викарий.

– А сейчас исполняет обязанности, насколько я понял, протоиерей Михаил Протопопов. Как управделами. А вот еще вопрос – как развивается паломническое движение из России в Австралию?

– Несколько высокопоставленных церковных лиц приезжали в Австралию, чтобы поклониться святым местам. Это неплохо. Это одна из основных задач этого монастыря. Как должна произойти встреча тысячелетней православной культуры с Австралией? Как ей здесь жить? Не просто, чтобы перенесли сюда какие-то мощи, или самовары, или куличи.

Всегда и везде это была благодать Святого Духа. Природа, которая является божественной, и действие Божие, воспитывающее местное население. Здесь еще сложнее, потому что местное население – аборигены. Недавние пришельцы за 250 лет – европейцы. Они пытались превратить эту страну в часть Европы. Игнорируя, что она находится в Азии. Сейчас это немного повернулось, и начинают говорить о том, что это все-таки не Европа. Идут такие процессы. Куда они пойдут – не знаю. Австралийцы – это

смешанная публика, которая не имеет «ни образа, ни подобия»... Что с ней делать? Теоретически они в прошлом христиане. Но от христианства ничего не осталось, отрицательные какие-то аспекты. И как Православие должно в этих условиях заговорить, проповедовать? Вот это одна из задач нашего монастыря.

– А можно было бы усилить поток православных людей из России, которые тоже хотели бы побывать в Австралии? И в вашем монастыре помолиться. Вы бы этого хотели?

– Мы не возражаем, но это не может быть искусственно выстроено в виде какого-то туризма.

– Паломничество. Ведь едут же на Святую гору Афон, на Святую Землю.

– Да, но есть все же разница между Афоном и Преображенским монастырем, правда? Значительная разница. Нужно ли это? Много величайших святых есть поблизости от России.

– Я здесь дважды, и испытываю, конечно, и благодать, и благодарность Господу за то, что здесь побывал. Я думаю, что и многие другие люди побывали бы здесь тоже с большим удовольствием и радостью. Батюшка, а чтобы Вы могли сказать русским людям в настоящее время? Что Вы могли бы пожелать современному православному христианину? Как жить дальше?

– Не бойтесь современного мира, возвращайтесь к своим корням. Может быть, это самое верное и правильное, что можно сказать, потому что Россия всегда шла циклическим процессом. Сейчас назрело время возвращения к своей законной идентичности. Это не значит, что все должны переезжать в деревню и отращивать бороды. И купить себе корову. Но осознать некоторое такое славянофильство, в достойном своем варианте.

В русском характере есть очень много достоинств стихийных. Убрать алкоголь, наркотики. Моя семья из Шанхая. Шанхайцы большей частью поехали в Америку. Моя семья оказалась в Австралии. Там политические аспекты были расставлены немножко

по-другому. Сначала любовь к родине, а потом уже политические аспекты. А у харбинцев – политическая структура, а потом Россия, как град Китеж. И поэтому в нашей семье не переживались жестко какие-то антисоветские настроения. Было что-то гораздо более трезвое. Ровное, спокойное, критичное. Монархическое. Чувствовалось достоинство всегда. И всегда присутствовала любовь к России и вера в Россию. Я думаю, что это мне во многом помогло. Даже я не понимал до конца, как.

В роду все погибли, кроме сестры дедушки. Во время революции и гражданской войны. Они все погибли. И только бабушка Катя, как ее звали, она была сослана в Ашхабад. Там она всю жизнь прожила под местным надзором и не имела права выезжать. За пределы города. И мы ее нашли в семидесятых годах. Не знали даже, что она жива. Мать решилась и поехала ее навестить. Это ее тетка. Она была уже глубокой старушкой. Мама приехала к ней на дом. Она сидит и говорит какие-то совершенно сумасшедшие речи. В честь Ленина. Мать молчит, ничего не говорит. Потом они пошли погулять. Погуляли в парке. Бабушка Катя сказала: «Ты меня прости, мы должны себя так вести. Мы все под надзором, и все очень сложно». Мать ее спрашивает: «Как ты вообще выжила? Была ли у тебя возможность как-то уехать, убежать, пробраться? И как ты это все психологически выдержала?» Она ей сказала: «Я никуда не уеду. Я Россию так люблю, что я готова ей все простить». Мне показалось, что эта фраза идет откуда-то из очень глубоко семейных корней. Это встречается среди русских. Здесь, кажется, все у них хорошо, но они должны быть на своей земле. Чего-то не хватает.

– *Батюшка, у Вас в трапезной над окном написано: «Кто бежит от скорбей, тот бежит от Бога».*

– Все может быть, но вот этот ее ответ...

– *Ваши родители уехали в Китай или дедушка с бабушкой?*

– Дедушка с бабушкой были в движении Колчака. Участвовали в эвакуации из Владивостока. Мать родилась во Владивостоке прямо перед уходом. 20 лет прожила в Шанхае. Потом сюда.

– *А ваш папа?*

– Они встретились в Китае. Венчались на Филиппинах, он тоже из Китая.

– *Батюшка, а ваше обучение в Джорданвилле? Это хорошая школа?*

– Нет. Она в процессе выживания. Интересные, хорошие, честные люди. Но вся моя модель монашеской жизни получила свое более прочное оформление на Востоке. Не в Джорданвилле.

– *А где Вам хорошо в России, батюшка? Монастыри... Куда Вас тянет? Вы чувствуете дух такой, православный... Где-то есть, где Вам хорошо?*

– Мне хорошо в Петербурге. Весь семейный быт, отношения, привычки. Нрав – он петербургский. Я это почувствовал с первого момента. Первый раз, когда туда попал. Где мне хорошо? Я страшно люблю русский Север, далекий Север. На Соловках бывал.

– *А на Валааме?*

– Я люблю скромные, маленькие, незаметные места. И таких мест очень много. Припомнить трудно. Но просто скромные отдельные личности, которые трудятся потихоньку, что-то создают, молятся. Люди искренние.

– *Батюшка, вот монастырь в Кейтлине, где мне тоже довелось побывать, он тоже малочисленный. Там сейчас буквально несколько человек. Как Вы считаете – это одно из мест духовного спасения в Австралии?*

– Конечно. Конечно. Я там рос духовно. Монастыря там не было в таком виде, как он сейчас. Там были очень убогие бараки и монашки ходили в одеждах, перешитых из мешков из-под муки. Они жили очень бедно. Мне было 15-16 лет. Мы приехали, чтобы им помочь нарезать вербу. Великим Постом к Вербному воскресенью. Там был один барак

с церковью. Мы шли по коридору – все очень убого, очень просто. И в одной келии была дверь приоткрыта. Мне 15 лет. И я вижу через приоткрытую дверь: на постели лежит какая-то старушка-монашка, а на коленях в светской одежде, миранка, тоже старенькая, на коленях у постели молится. Но эта фигура, лежащая на постели... Она была в сильном, интенсивном белом сиянии. Вся в лучах. Это меня немножко испугало. Очень сильно впечатлило. И что интересно – со мной был друг школьный, австралиец, ему было интересно, он решил помочь, у него был свой маленький духовный поиск. И он это тоже увидел. Мы так переглянулись, испугались и побежали дальше. Когда уже вышли из здания, я его спросил: «Что ты видел?» Он мне рассказал. Мы никому ничего не сказали.

А потом уже, когда я был священником в Кабрамате, рядом со старческим домом, там была одна старушечка. Я их регулярно причащал, и с ней я заговорил. Узнал, что ее сестра была монашкой в Кейтлине. А она была Анна Перевечна. Кажется, отец Николай в день своего рукоположения на Благовещение Пресвятой Богородицы, получил от нее в подарок очень красивую икону. Вот я с ней познакомился, она рассказала мне, что у нее была сестра, монашка в Кейтлине. И я ей припомнил эту историю. Это была она на коленях. Она вспомнила год, события и сказала: «Это была моя умирающая сестра». Она через день скончалась. Вот где бывает духовная жизнь. И так она нас воспитывает. Это мне запало навсегда.

– Да, батюшка, а с какими-то высоко духовными отцами у Вас бывали встречи?

– Регулярно. По всему миру. Господь приводит. Этих рассказов очень много. Уже был звон в церковь. Надо идти на вечерню. Мы можем продолжить потом.

– Спасибо большое, отец Алексей. Спаси Вас Господи!